

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ДРУГЕ ВАЛЕНТИНЕ КОПТЮГЕ

Об академике Валентине Афанасьевиче Коптюге, председателе Сибирского отделения, вице-президенте Российской академии наук в 1980-1997 гг. вспоминает его друг и коллега, вице-президент РАН, академик Олег Матвеевич Нефедов. Эта публикация открывает серию материалов, посвященных предстоящему 70-летию со дня рождения В.А. Коптюга (1931-1997 гг.).

Свыше 40 лет нас с Валентином Афанасьевичем Коптюгом связывала дружба. Во многом его дружеское участие в моей судьбе, его советы и поддержка определили и мои интересы, и мое место в академической науке и Академии наук, а также предоставили мне уникальную возможность наблюдать В. А. в разных ситуациях и в разные периоды его жизни и деятельности. Возможность эта действительно уникальная, поскольку В.А., отличаясь исключительной принципиальностью, высоким чувством долга и гражданским мужеством, в повседневной жизни был человеком очень скромным, сдержанным и даже закрытым.

В 1949 году мы одновременно с В.А. поступили в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (ныне Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева) — он на факультет технологии органических веществ, а я — на факультет химической технологии топлива. И хотя в студенческие годы мы вместе в одном потоке слушали лекционные курсы, познакомились, а подружились уже в аспирантские годы

(с 1954 по 1957 гг.). К этому времени мы уже обзавелись семьями, и у нас с разницей в несколько месяцев родились сыновья, причем обоих назвали Андреем. Уже в первые годы аспирантуры В.А. проявил интерес к рассмотрению сложных проблем, желание разобраться в существе вопроса. Так, при подготовке к сдаче кандидатского экзамена по философии, что для аспирантов обычно было делом достаточно формальным, В.А. по своей инициативе подготовил глубокий реферат по естественнонаучным и философским аспектам теории химического строения.

Однако в гораздо большей мере его незаурядные качества исследователя, впоследствии переросшие в талант ученого, проявились в выборе темы диссертационного исследования. И здесь следует отметить то, что судьбу В.А. как выдающегося ученого и организатора науки предопределила его встреча с профессором Н.Н. Ворожцовым-младшим, который в ту пору в МХТИ заведовал кафедрой органических полупродуктов и красителей. Имя Н. Ворожцова, академика, организатора и директора Новосибирского института органической химии, одного из наиболее ярких ученых Сибирского отделения, хорошо известно в нашей стране. В ту пору, будучи профессором МХТИ, он сумел увидеть в Валентине Коптюге, любознательном и скромном студенте, интересующемся наукой, задатки таланта будущего ученого. С огромным трудом Н. Ворожцов добился того, что В.А., сын репрессированного отца, был оставлен на кафедре в аспирантуре. Более того, Н.Н. Ворожцов не побоялся поручить молодому аспиранту организацию на кафедре работ с мечеными атомами, что было крайне непростым делом. Думаю, что созданная тогда современная лаборатория для работы с радиоактивными соединениями была единственной на вузовских кафедрах органохимического профиля. С использованием меченых радиоуглеродом ^{14}C соединений В.А. выполнил прекрасное диссертационное исследование в области изучения механизма каталитической изомеризации монохлорнафталинов. При этом аспирантура, включая и защиту столь необычной для МХТИ того времени диссертации, была выполнена в трехгодичный срок. Мы защищались 25 декабря 1957 г. на одном заседании диссертационного совета, и я помню, какое глубокое впечатление произвела диссертационная работа В.А. не только на членов совета, но и на моего оппонента из ведущего академического Института органической химии Е. Чернышева, ныне члена-корреспондента РАН.

Период завершения обучения в аспирантуре совпал с началом организации Сибирского отделения Академии наук. Н. Ворожцов получил предложение стать директором-организатором Института органической химии в новосибирском Академгородке и начал формировать кадровый костяк будущего института. Естественно, В.А. был в числе ближайших помощников и соратников Н. Ворожцова. И хотя В.А. не входил в состав дирекции института (Н. Ворожцов считал, что В.А. как наиболее способный из его учеников должен был максимально сосредоточиться на научной работе), был безусловным лидером в коллективе. Уже тогда В.А. проявил редкое чувство

нового, понимание тенденций и перспектив развития науки. В большой мере именно благодаря его усилиям особое внимание при становлении института было уделено физическим методам исследования химических соединений и механизмов их превращений, формированию парка современных аналитических приборов, прежде всего в области масс-спектрометрии и спектроскопии ЯМР.

Далее В.А. инициировал и возглавил работы по применению математических методов в органической химии, созданию банков спектроскопических параметров и структурных данных органических соединений, разработке современных структурно-поисковых систем и, наконец, созданию, а впоследствии и строительству Научно-технического центра по химической информатике. В результате Новосибирский ИОХ стал одним из ведущих центров современной химической науки.

Поражала исключительная способность В.А. не только инициировать новое, но и в короткое время самому профессионально овладеть этим новым. А это, несмотря на одаренность, требовало от него огромной самоорганизации, удивительной работоспособности и настойчивости. В большой мере с этими качествами В.А. был связан его бесспорный авторитет в Сибирском отделении, в Академии наук в целом, а также в международном научном сообществе.

С развитием новых направлений и тенденций в химии был связан и интерес В.А. к деятельности Международного союза по теоретической и прикладной химии (ИЮПАК). Начав работу в рамках Комиссии по строению молекул и спектроскопии Отделения физической химии, через несколько лет В.А. был избран сначала членом бюро, а вскоре и президентом этого авторитетного международного научного союза. Следует отметить, что за все время участия отечественных химиков в работе ИЮПАК В.А. был вторым после академика В. Кондратьева представителем наших ученых, избранным президентом союза (впоследствии президентом ИЮПАК избирался и академик К. Замараев). Думаю, не ошибусь, утверждая, что В.А. был одним из наиболее авторитетных и деятельных руководителей ИЮПАК. Но главное, В.А. очень заинтересованно и неформально представлял нашу страну и нашу науку в международном химическом сообществе. К деятельности в союзе, его отделениях, комитетах и комиссиях было привлечено большое число ученых из многих химических центров нашей страны (я был одним из них), причем большинство из нас по настоянию В.А. выступали с инициативными проектами и руководили ими. Поражала также четкость проведения В.А. различных июпаковских мероприятий, в том числе заседаний бюро, исполкома и генеральной ассамблеи союза. Надо отметить, что работа в ИЮПАКе потребовала от В.А. хорошего знания английского языка, и он самостоятельно и быстро овладел им, хотя в отличие от многих из нас и не имел возможности длительного пребывания в зарубежных командировках. Свои заметки, выступления, а также итоговые документы он сразу и часто

экспромтом сам писал по-английски, излагая свои мысли так же четко, логично и убедительно, как и на русском языке.

С деятельностью в ИЮПАКе связан и интерес В.А. к проблемам экологии и устойчивого развития. Он инициировал и стал руководителем международной программы «Химия и окружающая среда», возглавил Объединенный научный совет по проблемам экологии в Академии наук, создал журнал «Химия в интересах устойчивого развития», достойно представлял нашу страну в ООН, в Научном комитете по проблемам окружающей среды при Международном совете научных союзов, на Международной конференции по проблемам окружающей среды и развития в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Много сил В.А. отдал организации в Москве в сентябре 1992 г. Международной КЭМРОНовской конференции «Химия и устойчивое развитие — экологически чистые технологии, утилизация отходов, высокая эффективность использования энергии».

Будучи исключительно принципиальным, последовательным и твердым в формулировании и отстаивании интересов науки, В.А. проявлял истинный демократизм и уважение к аргументам оппонентов в научных дискуссиях и спорах. В частности, это ярко проявлялось на семинарах в его лаборатории исследования механизмов органических реакций и на ученых советах института при обсуждении научных вопросов и направляемых в печать статей. И даже когда участники таких дискуссий и сотрудники лаборатории переходили грань корректности, В.А. оставался спокойным и невозмутимым, будучи уже и членом Академии, директором института, председателем Сибирского отделения.

Я уже отмечал необычайную способность В.А. вникать в суть вопросов и проблем, даже достаточно далеких от его собственных научных интересов и жизненного опыта. Эти качества, требовавшие от В.А. огромных дополнительных усилий и времени, особенно масштабно проявились в годы его работы на посту руководителя Сибирского отделения Академии наук, что было, безусловно, главным делом и смыслом его жизни.

Умение на равных вести обсуждение любых проблем — научных, организационных, хозяйственных, кадровых, социально-политических — было редким даром В.А. и объясняло не только его высокий авторитет, но и поражающие размах и результативность его деятельности в масштабе Сибирского отделения, Академии наук в целом, международного научного сообщества. И за все это в большой мере он расплачивался своим здоровьем, что в последние годы усугублялось его тяжелыми переживаниями в связи с развалом Союза и охватившим страну глубоким политическим и экономическим кризисом. Недаром, когда он приезжал в Москву и я либо кто-нибудь другой уговаривал его поехать за город или просто зайти в гости, он почти всегда отказывался, говоря, что хотел бы просто спокойно отоспаться, да и срочных дел, как всегда, много...

Много теплых воспоминаний связано с нашими совместными поездками внутри страны и за рубеж, моими регулярными командировками в Академгородок, нечастыми поездками и путешествиями во время отпуска, поскольку на уход в отпуск В.А. обычно соглашался крайне неохотно, ссылаясь на массу срочных дел, а все их он непременно старался пропустить через себя.

Вспоминаю прекрасный совместный отдых семьями на Обском море на лодках летом 1962 г. В ту пору лодки с моторами были повальным увлечением в Академгородке, и В.А. этим занялся тоже. Помимо водных поездок он с удовольствием выезжал на природу на машине. При этом поездки за грибами и ягодами были непременным увлечением В.А. и всей его семьи. Помню, с каким восторгом В.А. рассказывал о впечатлениях, связанных с автомобильной поездкой на Алтай. При этом В.А. всегда сам проводил и техническое обслуживание, и ремонт автомобиля и другой техники, стремясь и здесь во всем разобраться самостоятельно. Так, отправляясь из Москвы в Новосибирск на поезде в совместный отпуск на Обском море, мы с женой взяли огромную деталь для заднего моста его «Волги», который затем он сам и поменял. К сожалению, с годами В.А. все реже и реже позволял себе пойти в отпуск, подлечиться и даже просто отдохнуть, а нагрузка — и умственная, и физическая, и нервная — постоянно возрастала. Никакие советы, уговоры, убеждения результата не давали.

Приезжая в Академгородок, я часто останавливался у Коптюгов. Все они — и сам В.А., и жена Ирина Федоровна, и мама Надежда Васильевна, и дети (особенно Андрей, с которым у нас было больше контактов) отличались исключительным гостеприимством, были хлебосольными хозяевами. Ирина Федоровна, будучи умелой хозяйкой и кулинаром, всегда потчевала разными домашними заготовками, да еще старалась чего-нибудь вручить с собой — то облепиховый сок, то маринованные белые грибы.

Если же приходилось останавливаться в гостинице или в гостевом коттедже, то как бы рано я ни отъезжал в аэропорт, В.А. считал непременным долгом приехать попрощаться и лично убедиться, что все в порядке.

Вспоминаю наш последний разговор накануне его смерти в пятницу 10 января 1997 г. Во второй половине дня после трудного и нервного заседания он приехал в свой кабинет в новом здании Президиума РАН. Я зашел к нему, он рассказал мне об этом заседании, мы выпили кофе (кофе и курение были непременным атрибутом его жизни), и я стал уговаривать его поехать на выходные с нами на дачу. Поблагодарив, он отказался: «Нет, Олежа, я лучше отосплюсь дома». А через несколько часов его не стало...

фото В. Полякова

Источник:

О.М. Нефедов Воспоминания о моем друге Валентине Коптюге // [Наука в Сибири](#). - 2001. - N 12. - С. 2.